

Пляски сумасшедших на краю городов

Как ни крути, а рок-н-ролл в нашей стране генеалогически восходит не только и не столько к страданиям американских негров на плантациях, но, прежде всего – к бардовской песне 60-х. Окуджава и Дольский, Ким и Визбор, Высоцкий и Галич гораздо с большим основанием могут носить звание повивальных бабок (дедов) русского рока, чем Чак Берри и Бадди Холли. И даже – чем THE BEATLES и DEEP PURPLE.

Доказательства? Да сколько угодно, а из них самое главное и до сих пор весомое – приоритет слова над музыкой, неистребимый и поныне не уничтоженный никакими модными веяниями и новейшими технологиями. Влияние на развитие отечественной рок-культуры поющих поэтов (и только во вторую очередь – гитаристов, музыкантов, композиторов) неоспоримо: Макаревич и Никольский, Гребенщиков и Науменко, Башлачев и Янка, Ревякин и Летов впечатляли, прежде всего, силою слова, а не виртуозностью владения инструментом. Да и сейчас споров о текстах Земфиры и Лагутенко ведется больше, чем о музыке, эти тексты сопровождающей. Разве не так?

В связи с вышеизложенным разговор о рок-акустике (именно этот термин устоялся к качеству определяющего примерно в середине 80-х) в целом и акустических рок-фестивалях в частности стоит начать с хотя бы упоминания о фестивалях КСП-шных, бардовских. Таковые случались со времен незапамятных, истоком своим имея посиделки у костра с пением под простецкую шестиструнку, самым знаменитым их них была и остается «Грушинка», но живут и процветают и более локальные (практически неведомые рок-общественности) мероприятия подобного плана. «Истинные рокеры», как правило, бардовскими фестивалями брезгуют, как психически неполноценными родственниками, – что не вполне красиво, но в чем-то объяснимо. Впрочем, обратно направленный негатив по отношению к «сборищам грязных наркоманов» тоже имеет место быть. Короткая память на родство – черта, присущая русскому человеку, возможно, еще со времен татаро-монгольского нашествия.

Тем не менее, рок-акустика, отпочковавшись от привитого рок-н-роллом бардовского деревца, зажила своей отдельной жизнью где-то в начале 80-х, будучи явлением еще не самостоятельным (и даже так не называемым), но по большей части вынужденным. Брежневские времена вялого попустительства сменились при Андропове целенаправленной антироковой компанией, в ходе которой большинству групп выступать стало негде и никак. А поскольку это самое большинство, как правило, структурировалось по принципу «лидер/автор песен/певец + аккомпанирующий состав», то оные лидеры нашли из создавшегося положения довольно простой выход, – начали играть квартирные концерты.

«Квартирники» цвели пышным цветом всё десятилетие, их играли почти все ныне заслуженные деятели рок-н-ролла – БГ (которого тогда все звали просто «Боб»), сидя при свечах в старой квартире где-нибудь на Лермонтовском проспекте, травил байки и предоставлял сейшенивое время никому не известному Цюю; у Филаретовых в Кирпичном переулке потрясали питерских интеллектуалов неистовые сибиряки, – Егор и Янка; у Житинского и у Полины-на-Ржевке сворачивал крыши сбежавший от новосибирских «оптимистов в штатском» Наумов; в Москве у Алексея Дидурова и Александра Липницкого (а позже – у Олега Ковриги) вообще собирались все сливки отечественного андеграунда; в Зеленограде Ревякину и Кинчеву делал квартирники Алексей Коблов; в Харькове играли и просто вписывались у Димы и Светы Рудим... подобное происходило практически в каждом крупном городе. Это было совершенно специальное явление, со своими правилами, традициями и антуражем. Достаточно редко такие концерты делались из желания (как организаторов, так и музыкантов) подзаработать, – по большей части всё было абсолютно бесплатно, в крайнем случае, пускалась по кругу шляпа, куда равномерно сыпалась мелочь, сигареты и феньки, причем зачастую в конце вечера на эту мелочь покупалась пара опять же шедших по кругу бутылок дешевого портвейна. Все происходило в режиме строгой конспирации, адреса знали лишь немногие избранные, категорически запрещалось шуметь и

тем паче аплодировать (последняя особенность квартирников не изжита до сих пор и приводит в недоумение молодых исполнителей), поскольку нередко были случаи, когда обеспокоенные соседи вызывали милицию, – и тогда приходилось спешно маскировать происходящее под свадьбу, день рождения или проводы в армию. А если учесть еще бушующую антиалкогольную кампанию... Тем не менее, несмотря на все трудности и опасности, квартирные концерты дарили пришедшим счастливым искромётные импровизированные дуэты, редкие, нигде не исполнявшиеся песни, незапланированные перфомансы, да и просто возможность в приватной, доверительной обстановке пообщаться с любимым автором. Находились энтузиасты, фиксировавшие происходящее на аудио (реже – видео) аппаратуру, и эти записи в ряде случаев настолько уникальны по материалу, что по коллекционной ценности не уступают картинам Ван Гога и изделиям Фаберже...

Перестроечные времена и «разрешение на рок» квартирников почти не коснулись, – они делались уже несколько по другим причинам, вот и все. И большинство рокеров, даже играя акустику, считали эту форму вынужденной, всем организмом тяготея к электричеству. Однако стоит предположить, что в сознании музыкантов все же пустила корни мысль, что можно вполне самодостаточно выступить без группы, в одиночку, – и тебя внимательно выслушают и поймут, не наградив обидной кличкой «КСП-шник». Более того, в обращение вошло странноватое и, строго говоря, некорректное определение «рок-бард», которым стали обзывать практически любого человека с гитарой, песни которого выходили за рамки туристско-костровой тематики. В этом плане можно привести два наиболее характерных примера, упомянуть двух принципиально разных акустических музыкантов, одинаково необоснованно называемых «рок-бардами» – Юрия Наумова и Александра Башлачева. Если Наумов никогда не хотел быть чисто акустическим музыкантом, и стал-таки им исключительно в силу неудачно сложившихся обстоятельств, помешавших ему собрать полноценный электрический состав, выработав по ходу дела уникальную, фактически мультиинструментальную технику игры, и изначально ставя музыку (а не слово) во главу угла, желая признания композиторского, а вовсе не поэтического, – то Башлачев изначально был именно талантливым поэтом, мастером стиха, а не инструмента, взявшим в руки гитару отчасти в силу бардовской (именно!) традиции, отчасти же под влиянием друзей-рок-музыкантов, хотевших показать его окружающему миру в более доступной и понятной массам функции коллеги по цеху. Противопоставление это, хоть и весьма схематичное, достаточно четко обрисовывает ситуацию, существующую в рок-акустике и по сей день. И, к сожалению (отсутствие гармонии всегда досадно), привычка ставить во главу угла именно тексту почти победила – большинство современных «рок-бардов» мало внимания обращает на музыку, и даже на ее более или менее логичное сочетание с текстом. «Путь Башлачева» – кстати, гитариста отнюдь не самого плохого и к статусу гуру не стремившегося – тотально возобладал. Может быть, поэтому многие серьезно относящиеся как раз к музыке слушатели (и исполнители) на акустические рок-фестивали посматривают криво, не находя там себе места и забывая, что из всякого правила есть исключения.

В силу всего вышеотмеченного не так уж странно то, что первым акустическим рок-фестивалем, произошедшим в нашей стране, оказался концерт памяти Башлачева.

Я не имею в виду ни спонтанные поминки в рок-клубе сразу после похорон СашБаша, ни монументальное и скандальное мероприятие, состоявшееся в Лужниках 20.11.1988. Нет, это был всего-навсего скромный, плохо заявленный и бестолково проведенный концерт 17 февраля 1989 года в питерском ДК Пищевиков. Концерт, куда ломилась привлеченная слухами толпа алисоманов и попадали через черный ход вполне приличные люди, где не было афиш и не объявлялись имена выступавших, – но состав этих самых выступавших говорил сам за себя: первое появление на более или менее широкой петербургской публике Янки Дягилевой и Алексея «Полковника» Хрынова; редкое выступление в акустике Дмитрия Ревякина; Владимир Сигачев, Святослав Задерий, Владимир Рекшан...

Через год, 20 февраля, состоялся другой концерт – по тому же поводу, но уже помпезно названный Мемориалом и проводившийся в благопристойном БКЗ «Октябрьский», с

Джорджем Гуницким в роли ведущего и многими журналистами и рок-деятелями в роли свидетелей. Никто не считал – естественно – это действо «акустическим рок-фестивалем», да и повод не располагал к традиционному фестивальному веселью, но фактически... К тому же, играла там – в акустике – уникальная обойма музыкантов, плохо сочетающаяся не только на одной (официозно-плюшевой) сцене, но и в сознании рядового посетителя рок-концертов: Задерий, Полковник, Янка, Летов, Андрей Машнин, Инна Желанная, Юрий Ильченко, Сергей Рыженко, Олег Гаркуша, Андрей Макаревич, Дюша Романов, Шахрин с Бегуновым, Шевчук с Никитой Зайцевым... Имя Башлачева, память о нем объединили в не самом подходящем месте почти не поддающихся объединению музыкантов, – результат оказался неровным, противоречивым и уникальным, достойным и негодования (отзывы большей частью были разгромными), и занесения в анналы. Кстати, по иронии судьбы, до нашего времени сохранилась и дошла только видеосъемка выступлений Егора и Янки, не вошедшая в свое время в телеверсию этого концерта. Где всё остальное – Бог весть...

Первым же неповторимым и непревзойденным событием, которое с полным основанием можно назвать акустическим фестивалем, был, естественно, I Всесоюзный фестиваль «Рок-акустика», состоявшийся чуть раньше, 12-14 января 1990 года, в Череповце – на родине Башлачева, и неофициально тоже посвящавшийся ему, но фактически вышедший за рамки так называемого «поминальника». Собственно, он задумывался именно как фестиваль, со всеми присущими подобным игрищам атрибутами, и организовывавшийся со всеми характерными для того полосатого времени обломами, нестыковками, неожиданными удачами и невероятным количеством случайностей, сложившихся вопреки всякой логике в цельную и интереснейшую картину.

Идея фестиваля пришла в голову «простому череповецкому меломану» (как писали тогда), а ныне директору фирмы «Хор» Евгению Колесову, который силою незамутненного энтузиазма, помноженной на горячую любовь к рок-н-роллу и некоторое количество знакомств в Москве, поставил на уши всех монстров андеграунда и самиздата, а также вполне официальных граждан, – в результате чего программа «Взгляд» отрекламировала фестиваль на всю страну, фирма «Мелодия» в лице Юрия Морозова и Андрея Бурлаки его записывала (в связи с этим сцена была так густо заставлена микрофонными стойками, что фотосъемка превращалась в охоту на тигра в джунглях) возможных кандидатов в участники отбирали, слушая горы демо-записей и обзванивая рок-звезд, корифеи из «УРлайта»/«КонтрКультУр'ы», а согласие выступать изъявили практически все попрошенные, – от Шевчука, Гребенщикова, Макаревича и Кинчева до малоизвестных музыкантов из Владивостока, Барнаула и прочей неохваченной масс-андеграунд-медиа провинции. Правда, в результате различных прозаических причин, «из звезд, а точнее, «монстров», до Вологодской области добрались Майк, Юрий Морозов, Юрий Наумов, Сия, Володя Сигачев, Сережа Рыженко и ЧАЙФ в акустике» (цитата – для достоверности оценки – из газеты «Рокси-Экспресс» 1990 года). Но фестиваль строился отнюдь не по принципу «звездности», – и музыканты, все-таки доехавшие до морозного промышленного города, поселившиеся как попало в плохонькой гостинице и вышедшие на сцену 800-местного зала ДК Строителей, независимо от статуса, звания и степени популярности, явили изумленной общественности нечто уникальное, пестрое, разношерстное и разноталантливое, но при этом единое – Череповецкую «Рок-акустику».

Удивительно, но копни поглубже биографию почти любого рок-музыканта, – и неожиданно окажется, что и он там тоже был. Янка с продирающей до костей «Ангедонией»; кровавое действо Ника Рок-н-Ролла с его владивостокской КОБОЙ; разухабистый на грани уместности БАХЫТ-КОМПОТ; по-разному романтические ДЯДЯ ГО, ПАРК РАЗБИТЫХ ФОНАРЕЙ и АДО; чуть не первые при таком скоплении народа выступления Ольги Арефьевой и Кирилла Комарова; фактический дебют 17-летнего Евгения «Махно» Чичерина (в будущем, – к несчастью, очень недолгом, – ХМЕЛИ-СУНЕЛИ); раритетное появление на публике прелестной уфимской РОЗЫ; Михаил Башаков, Александр Лаэртский, Андрей Цыбин, Александр Холкин, Полковник, Александр Дёмин, Николай Гнедков... Совершенно

разные, из совершенно разных городов музыканты, – «все промелькнули перед нами, все побывали тут». Собственно, равного – или хотя бы сопоставимого – по масштабу мероприятия в истории отечественной рок-акустики больше не было; фестиваль в Череповце так и остался в памяти народной (а также на страницах прессы и на до сих пор не изданных аудио- и видеопленках) чем-то призрачным, – красивым сном, обиталищем редких счастливых, сказкой, легендой...

Меня там не было. И я до сих пор об этом жалею.

Однако вышло так, что к развитию акустических фестивалей в следующем десятилетии, – по крайней мере, к их питерской ветви – я оказалась непосредственно причастна. Страдать ложной скромностью, – как и называть себя чьей-нибудь «покорной слугой» – не буду, и ради воссоздания достоверной картины временно перейду на повествование от первого лица. Но сначала вернусь к квартирникам.

Квартирники отнюдь не вымерли, живя своей жизнью по причинам уже вполне бытовым – у кого-то из музыкантов проблемы с электрическим составом, кто-то приехал издалека и еще не нашел в другом городе свою аудиторию, а кто-то только-только начал писать песни, и хочет их показать узкому кругу внимательно слушающих и способных к сопереживанию людей. С маленькими залами всегда дела обстояли туго, – следовательно, играли на квартирах. Впрочем, квартирники потихоньку тоже видоизменялись – в сторону меньшей законспирированности, с одной стороны, и легкого уклона в коммерцию (за удовольствие послушать вблизи более или менее известных музыкантов теперь нужно было платить), с другой. Правда, существовала в Петербурге некая отдельная реальность, которую ветры перемен и финансовые преобразования почти не коснулись, и назывался этот оазис – «у Зайца».

Алексей Зайцев, он же Заяц, в первой половине 90-х оказался чуть не единственным в Питере постоянным организатором квартирных концертов, превратив свое не самое обширное жилище в подобие акустического клуба – квартирники у него происходили чуть ли не еженедельно на протяжении нескольких лет, и были доступны всем желающим, – как исполнителям, так и слушателям. У него играли многие питерские акустические музыканты, в его дверь стучались в любое время дня и ночи приезжие провинциалы – северянка Света Чапурина, николаевская ЛАЙДА, донецкая РАБОТА; пермские, камчатские, московские, харьковские и прочие (велика страна моя родная!) рокеры; Заяц не отказывал никому. А зачастую устраивал жить, кормил-поил, концерты же записывал и фотографировал – и все это совершенно бескорыстно. Забегая вперед, скажу, что года три назад Алексей все же утомился своей подвижнической деятельностью (а кто бы на его месте не утомился? Чудо, что это не случилось раньше), и, закончив ЛИКИ и всерьез увлекаясь параллельным кино, растворился где-то в недрах телевидения. Впрочем, и того, что он успел сделать для отечественной рок-акустики, хватит с избытком для вечной благодарности потомков, – хотя людская память, повторю, коротка...

В 1994 году я волею судеб оказалась ведущей авторской программы на легендарном питерском радио «Катюша», – а поскольку рок-акустика интересовала меня с незапамятных времен, то и программа моя, носившая плагиатическое название «Редкая птица», была посвящена в основном акустическим музыкантам. Передачи, как правило, проходили в режиме живых интервью, и откуда было черпать таланты, как не из окружающей действительности? И частью этой действительности были как раз Зайцевские квартирники. Пару раз я звала на эфир и самого Лешу; вскоре у Зайца зародилась идея фестиваля, – который (подробности подготовки и организации опустим, они везде и всегда примерно схожи) так-таки состоялся 24-28 июня 1995 года в Автово, в актовом зале Реставрационного лицея. Носило сие действие длинное и неудобопроизносимое название «Фестиваль русского акустического андеграунда «Редкая птица» и Заяц представляют», которое мгновенно сократилось до поныне бытующего в ностальгических воспоминаниях участников и зрителей словосочетания «Редкий Заяц». Прошу обратить внимание: фестиваль длился *пять* дней – более протяженным, если не ошибаюсь, был только I фестиваль «Авроры».

Выступали на «Редком Зайце» музыканты разнообразные, по большей части дальше квартирников не сильно известные, хотя были там и вездесущий Слава Задерий со своей Айгуль, и Ольга Арефьева (впервые, кстати, певшая в Питере – проездом с «Rainbow», как и Махно), и Ольга Воробей, и ПТИЦА СИ... Нельзя сказать, что фестиваль носил судьбоносный для страны характер, но пару-тройку значимых последствий имел, главное из которых – превращение разрозненных тусовок музыкантов и их друзей (Заяц привел «своих», я – «своих», а те и другие понатащили по охапке «своих» же) в довольно стабильное целое. Все последующие акустические фестивали в пределах Питера и области происходили с постоянным участием этого конгломерата (Алекс Поляков, Илья Сёмкин, Андрей Радченко, Тоха, Большой Медведь и некоторые другие), и столь же стабильно освещались оформившимся как явление после «Редкого Зайца» же Вестником акустического андеграунда – самиздатовским журналом «Осколки».

Вдохновленный удачей (зрителей пришло достаточно, после фестиваля многие участники прозвучали в «Редкой птице», а год спустя издательство «Добрый Волшебник» выпустило двухкассетный постфестивальный сборник, имевший определенный успех) и еще не утомленный акустикой Заяц развил организационную деятельность, результатом которой стал еще один фестиваль, «Unplugged & Акустик», состоявшийся 1-3 мая 1997 года уже на территории Рок-клуба при благодушном отношении Коли Михайлова и участии упомянутого выше конгломерата (изнутри любовно-иронично именующего себя Городком), – с присовокуплением как новых неизвестных талантов, так и вполне популярных персонажей – ну, скажем, Свина и Андрея Машнина, а также БУРАТИНО-БЭНДА, Ё и любимых Зайцем Сили и Задерия. Фестиваль снимался на видео, на «Бомбе» должен был выйти фильм и серия кассет, но – что-то не срослось. Ну, а потом и в Зайце кончился энеджерджайзер...

Однако история питерских акустических фестивалей, потеряв в числе активных действующих лиц Зайца, на этом не закончилась. Энтузиасты, к счастью – явление не единичное. В начале 1998 года, откуда ни возьмись (а вернее, из весьма своеобразной тусовки при газете «Сорока») материализовался Сергей Галкин, – машинист метрополитена и рок-бард. Познакомившись с обитателями Городка (которые во всевозможных сочетаниях активно и везде играли квартирники и мелкие концерты, вовлекая в себя все новых деятелей акустики, – Леду, Мерлина и прочих локальных героев), Сергей мгновенно загорелся идеей фестиваля, даже серии фестивалей – строго акустических и вроде как андеграундных, но имеющих своей целью активную пропаганду творчества как Городка, так и близких ему по духу особей. Городок, с недоумением взирая на непрошеного пропагандиста, отреагировал вяло, и первый фестиваль под наскоро придуманным названием «Лестница» Сергей соорудил практически наскоком – в первом попавшемся зале (им оказался уютный и недорогой «Корабел» при общаге Кораблестроительного института) и хаотично набранными участниками – не только из Городка, но и просто по городу: в их числе оказались такие незаурядные исполнители как Кирилл Комаров, Олег Дегтярев, Михаил Башаков, Евгений Феклистов... Фестиваль (13-14.06.1998) прошел неожиданно гладко и весьма успешно, что, естественно, вдохновило Галкина на продолжение, расширение и углубление.

Оное последовало в октябре того же года, и делалось уже в четыре руки: довольно случайно став ведущей «I Лестницы» (понадеялись на мой опыт ведения радиозфиров и «Редкого Зайца»), ко Второй я не менее неожиданно стала еще и репертуарным ее консультантом, а к Третьей и Четвертой – полноправным соорганизатором. Политика наша была несколько различной, как и наши представления о прекрасном: Сергей, сообразно музыкантской своей ипостаси, часто звал стилистически близких себе бардов, мне больше нравились иногородние рок-одинокы и крепкие акустические профессионалы. Оба мы сходились на желании нести аку-культуру (впрочем, я особо не напирала на чистоту жанра, допуская участие полуэлектрических составов) в массы, и сделать фестиваль регулярным и по возможности рентабельным. Последнее было довольно важно, так как аренда «Корабела» и дорога (для приезжих) оплачивались со сборов, а значит, публика была нужна не только музыкантам, но и нам. Галкин периодически строил наполеоновские планы насчет гала-

концертов и участия в «Лестнице» то Шевчука, то Чиж, то Леонида Федорова, но, может, и к лучшему, что ничего подобного так и не вышло, и наша репертуарная тактика успокоилась на разумном балансе между неведомыми массам самородками и музыкантами, уже имеющими свою аудиторию. В итоге на «Второй Лестнице» (17-19.10.1998) выступали Машнин и Башаков с БЭНДАМИ, Ольга Першина в компании Наиля Кадырова и Дмитрия «Монстра» Гусакова (экс-НОЛЬ), Олег Гаркуша, НОЧНЫЕ СНАЙПЕРЫ, ЗИМОВЬЕ ЗВЕРЕЙ, ПТИЦА СИ, КЛЮЧ, не считая, разумеется, музыкантов из Городка, а также Комарова, Дегтярева... Фестиваль явно набирал силу.

Вместе с силой появились и конфликты – сначала внешние (Сергея, толком не разобравшись, вписал на «II Лестницу» разных московско-питерских панков, которые устроили при поддержке соответствующих зрителей мини-бучу, впрочем, успешно подавленную своими силами, даже без привлечения милиции), а потом и внутренние. Последние начались тогда, когда мы, искренне симпатизируя Городку, дружно решили: «Ну, сколько ж можно!» – и в список участников «Третьей Лестницы» почти никого из старожилов фестиваля не включили. Ведь число еще не выступавших на «Лестнице» гениев значительно превосходило число уже выступивших, – так что понятно, к кому обращены были наши взоры. Большая часть Горожан отнеслась к происходящему с пониманием, меньшая долго дулась, звонила звонки и писала кляузы, но на мерную поступь истории все это повлияло не слишком.

«III Лестница» состоялась 8-10 апреля 1999 года (делать фестиваль раз в полгода было нам пока по плечу) и стала, кажется, лучшей, – настоящим праздником, веселым, многолюдным и познавательным. Расширена была география, – приехали музыканты из Твери и ее области, Москвы, Калуги, даже из Полтавы; играло много хороших и разных групп, – с равным успехом вписались в фестиваль НОЧНЫЕ СНАЙПЕРЫ и ПИЛОТ, КАФЕ и THE DARTZ, Силя и БЕЗУМКИ, ГАНДИ и ПОЛЮСА... Народу пришло достаточно, фестиваль полностью отбился и практически всем понравился. Будущее казалось безоблачным, перспективы – сияющими.

Однако «IV Лестница» (2-4.12.1999) неожиданно пошла вкривь и вкось. И это притом, что она планировалась тщательнее и дольше всех предыдущих, впервые были сделаны и развешаны по городу нормальные типографские афиши, напечатаны пресс-релизы, приглашены хорошие и разнообразные исполнители... Но, видимо, Бог любит лишь троицу, а к числу «4» относится не столь положительно. Проблемы с аппаратом, с регламентом, с заболевшими музыкантами, с любителями халявы, с администрацией... Нет, всё состоялось в срок, музыканты отлично играли, публика внимательно слушала и уже завсегдаев фестиваля, и новичков – из Тольятти, Карелии, Перми, Нижнего Новгорода (фестиваль уже успел прославиться в соответствующих кругах), – с неподдельным восторгом приняла Александра Чернецкого, благосклонно отнеслась к появлению на акустическом фестивале двух цельноэлектрических составов, но... праздник был каким-то вымученным. И выпил из организаторов (то бишь, из нас с Галкиным) решительно все соки и силы.

Дальше последовала пауза длиною в год; за это время мы с Сергеем как-то обоюдно потерялись, и в результате вышло так, что очередную «Лестницу» он затеял опять делать сам, в последний момент, правда, перевалив почти все организационные хлопоты на плечи Светланы Смирновой из «Осколков» (ныне – газета «Порог»). У меня нет особых причин для обиды (посещать фестивали в качестве слушателя много легче и приятнее, чем их организовывать), но объективно «V Лестница» получилась не вполне удачной, – в основном, из-за нового, неудачно выбранного зала и проблем со звуком, хотя музыканты, как всегда, собрались незаурядные (Юлия Теуникова, Юлия Тузова, Вячеслав Чистяков, Владимир Белканов, Д-р Ай-Болит...), и играли они, как всегда, с полной отдачей. Отзывы о происшедшем весьма противоречивы, Галкин, кажется, остался всем доволен, гордо восклицая: «Наконец-то «Лестница» прошла как нормальный андеграундный фестиваль! Звезд и попсы не было, лишней публики – тоже» и, очевидно, забывая при этом, что принципиальное сидение в подвале никому еще не помогло, а лишней публики – особенно у

начинающих музыкантов – не бывает. Да и стыдно называть «попсой» Костю Арбенина или Мишу Башакова...

Дальнейшая судьба фестиваля на данный момент не ясна, намеченная на минувший апрель очередная «Лестница» не состоялась, а свежеслучившийся милый фестиваль «Порога» – это уже другая история. Пусть даже со знакомыми персонажами.

Однако все изложенное отнюдь не означает, что история рок-акустики в приложении к Питеру на этом исчерпана. Из чисто бардовского заповедника в прекрасный рок-акустический уголок превратился клуб «Зоопарк», в котором последние два года, в числе всякого другого хорошего, ежевесенне проходил фестиваль «Могучая кучка». Придуманный ЗИМОВЬЕМ ЗВЕРЕЙ и впервые проведенный в Театре Эстрады в апреле 1999 года, он собрал «музыкантов, бережно относящихся к звучащему слову» – без условного деления на бардов и рокеров, – в числе которых не только Комаров, Башаков, Дегтярев (с коими Арбенин, между прочим, познакомился на «Лестницах»), но и Владимир Леви, НОЧНЫЕ СНАЙПЕРЫ, а также менее известные исполнители: Евгений Пальцев, Светлана Голубева, Настя Макарова, Анатолий Багрицкий... Цель та же, что и у «Лестниц», деление на акустику и электричество зачастую условное, успех несомненен, кассета «Могучая Кучка-2000» выпущена, продолжение, естественно, следует. Дай Бог.

В последнее время рок-событиями стал баловать публику и Концертный зал у Финляндского вокзала; 2-4 мая состоялась совместная с «Зоопарком» благотворительная акция «Крыша для слона» – вполне себе полуакустический фестиваль с неслабым набором участников (Лёня Федоров, Федор Чистяков, Михаил Башаков, зачавший в последнее время в Питер Черный Лукич, ряд фолковых групп...), собравший адекватное количество зрителей. Мероприятие получилось сколь полезное, столь и приятное.

Дабы избежать упреков в «питерском шовинизме», добросовестно сообщу, что, конечно, не только Санкт-Петербург в 90-е годы благоухал и приносил плоды на ниве рок-акустики. В Москве все было ничуть не менее завлекательно, хотя информация о происходивших там акустических событиях ныне почти утеряна. Но вот, к примеру, фестиваль «Аку-рок» (1994) на базе клуба «Д.В.А.» сохранился в памяти и даже в записях, и явил на своей сцене Ольгу Арефьеву, Сергея Калугина, Раду, РАЗНЫХ ЛЮДЕЙ, ДЖА ДИВИЖН, не говоря уж об известных более в Москве, чем за ее пределами музыкантах и весьма незаурядных приезжих (абсолютной звездой был харьковчанин Борис Смоляк). С середины десятилетия центром московской акустической жизни стал клуб «Факел», детище Дмитрия Студеного (лидера группы ДАЖДЬ), который по своей демократичности и самоотверженному энтузиазму не уступает Зайцу, пригревая на груди всех аку-роkers, независимо от стажа, мастерства и степени популярности (в связи с чем Сергей Гурьев назвал Студеного «не столь культуртрегером, сколь психотерапевтом»). «Факел» имел и имеет свою публику, которая, впрочем, сейчас уже может направлять свои стопы и в Театр Песни «Перекресток», и в «Форпост», и в некоторые иные приятные места. Не заставили себя ждать и «Факельские» акустические акции, многолюдные и частые, которые позже оформились в серьезные фестивали: проводившиеся в последние 3 года под названиями «За жизнь поэтов», «Складень» и «Посолонь», они объединили разношерстную, но занятую компанию музыкантов, в том числе и не московских, а, скажем, ростовских, рязанских, подольских, актюбинских... Не отстает и «Форпост», проведя с 1997 по 2000 год четыре Фестиваля акустической музыки «Единение». Эти фестивали знаменательны тем, что на них присутствует жюри, существует понятие лауреатства и происходит всяческая раздача слонов; впрочем, на демократичность событий это обстоятельство не влияет, благо, в жюри входят (ситуация прошлого года) Гурьев, Умка, Рада, Ник Рок-н-Ролл... Строки из пресск-релиза «Единения»: «Современная акустическая музыка представляет собой пестрое соцветие музыкальных стилей и направлений – акустический рок и джаз, этническая музыка и городской романс. У акустики большая армия поклонников, которых привлекает именно это негромкое, проникновенное и необыкновенно образное искусство. Акустика – это когда всё честно, когда незачем спрятаться, это когда слушают» – вполне соответствуют всему, на

нем происходящему, и у «ярких и талантливых молодых исполнителей, которых объединяет любовь к некоммерческой акустике» с каждым «Единением» становится чуть больше слушателей и шансов.

Удивительное дело, но в прочих городах России (и бывшего СССР), при обильном количестве одиночек с гитарами, рок-фестивали не прижились – Череповецкая «Рок-акустика» была счастливым исключением из правила. Можно, разве что, назвать «Оскольскую Лиру», проводимую с конца 80-х близ Старого Оскола – фестиваль своеобразный, по-своему даже уникальный, но скорее все же бардовский (хотя и разбитый на «рок-», «поэтическую» и другие «мастерские»). Впрочем, среди выступавших на «Лире» музыкантов были и Веня Дркин, и Александр Непомнящий, и актюбинские панки, и питерские андеграундные аку-публицисты...

Одинокая попытка повторения если не буквы, то духа «Рок-акустики» была предпринята разве что в Нижнем Новгороде, городе с давними рок-традициями и противоречивой – в каждый конкретный момент – текущей концертной ситуацией. Молодой энтузиаст и, опять-таки, рокер Дмитрий Елькин, почти случайно посетив «IV Лестницу» (что называется, «упал на хвост» приглашенным друзьям-музыкантам), настолько загорелся идеей акустического фестиваля, что, по возвращению домой, продал компьютер и на вырученные деньги вскоре – 19-20 февраля – организовал довольно представительную «Альтернативу-2000», ухитрившись собрать для участия в этом фестивале не только весь местный цвет (непривычно трезвый и благодушный Полковник, исхитрившийся сыграть в акустике трип-хоповую программу Вадим Демидов, фактурный Александр Яковлев) и талантливых выходцев из области, но и внушительный состав иногородних светил: Умка, Ник Рок-н-Ролл, Роман Неумоев, Ермен Анти, Рада, Непомнящий, Алексей Шляков... Былолюдно, весело и хорошо. Жаль, но, похоже, акция эта оказалась единичной...

Буду искренне рада, если окажется, что были и есть акустические фестивали и в каких-то других городах. Всюду не съездишь, всего не узнаешь, а информация о таких акциях, как правило, фрагментарна, а то и отсутствует вовсе. Говорят, например, что сильная акустическая фест-традиция существует в Рязани, но где узнать подробности?.. Что поделаться, акустика – жанр по определению негромкий и тем паче не пафосный, капусты с нее не срубить, стадионов на нее не собрать. Другое дело, что потребностям неодноклеточной души она отвечает много более, чем другие разновидности рок-н-ролла, – и тут уж ищите и обрящете. А кто ищет, тот хотя бы иногда, но найдет.

Подводить итоги как-то не хочется, а выводы из всего, здесь написанного, каждый может сделать сам. Пожалуй, закончу цитатами, взятыми отнюдь не с потолка, – эти люди знают, о чем говорят.

А в заголовок вынесена цитата из песни Ильи Сёмкина.

«Акустический фестиваль –самодостаточное явление. Специфика его в том, что это формат негромкий, предполагающий меньшую атаку и напор, и большую доверительность, больший акцент на смысловой глубине».

Юрий Наумов

«Если идешь на акустический фестиваль, большая вероятность того, что услышишь неплохие тексты. Лучше в акустике видны халявщики, люди глупые или неискренние. Как-то все больше наружу вылезает».

Рада

«Акустические фестивали более интересны в плане душевности, что ли. Меньше грохота, шума – просто посидеть, послушать можно тексты. Бывают интересные составы, джемовые...»

Александр Чернецкий

«Плюсы акустических фестивалей в том, что там нет тяжеляка, что в акустике неминуем упор на текст. Минус – часто бывает атмосфера какого-то энергетического упадка, и еще – хорошей поэзии как было мало, так и осталось».

Ольга Арефьева

«Каждый, кто играет под гитару, может в акустическом фестивале участвовать. Поэтому должен быть жесткий отбор – не только жанровый, но и профессиональный. На акустических фестивалях звук сделать гораздо проще, они проводятся в небольших залах, что хорошо. Танцевать под одинокого акустического гитариста мало найдется сумасшедших, поэтому все-таки люди приходят туда слушать – слова, музыку, идеи...»

Кирилл Комаров

Екатерина Борисова

FUZZ №7/2001